

Сун Цзиньшу в панике зажмурился, ожидая боли, но вместо этого услышал крик Тао Сюэцзяо, которая собиралась его ударить.

— А-а-а!

Она обернулась и увидела Янь Чэна, стоящего позади неё с мрачным выражением лица. Он крепко сжимал её запястье, поднятое в воздухе, и она даже услышала тревожный хруст костей.

— Что ты делаешь?

Янь Чэн и не думал, что стоит ему отлучиться ненадолго, как кто-то сразу же найдётся, чтобы доставить неприятности Сун Цзиньшу. В его глазах застыла тьма.

— Янь... Янь Чэн, этот мерзавец лежал на твоей кровати в растрепанном виде, я... он...

Тао Сюэцзяо от волнения не могла связать двух слов, а боль в запястье заставила её быстро расплакаться. Слёзы катились по лицу, глаза покраснели от рыданий — она производила впечатление трогательной красавицы в слезах.

Однако Янь Чэну было не до её тщательного наряда. Всё его внимание было приковано к Сун Цзиньшу, который, сжимая одеяло, выглядел совершенно потерянным.

Успела ли Тао Сюэцзяо ударить его до его прихода? Не наговорила ли она чего-нибудь лишнего? Не подумал ли Сун Цзиньшу, что он — легкомысленный повеса, гонящийся за каждым юбкой?

Эти мысли проносились в голове Янь Чэна, и он сжал запястье Тао Сюэцзяо ещё сильнее. В следующую секунду раздался оглушительный вопль.

Она росла в семье, где её баловали: родители и старший брат никогда её не ругали, не то что били. Все желания исполнялись, готовы были достать для неё луну и звёзды.

И Янь Чэн раньше тоже баловал её, даже пообещал через полгода взять к себе в дом второй женой.

А теперь он поднял на неё руку ради какого-то деревенского парня.

Лицо Тао Сюэцзяо исказилось от гнева. Она посмотрела на Сун Цзиньшу так, словно хотела его растерзать, и, забыв о присутствии Янь Чэна, сжала больную правую руку, снова пытаясь ударить Сун Цзиньшу.

— Ты, мерзкий соблазнитель мужчин!

Раздался громкий хлопок, и все звуки стихли.

Тао Сюэцзяо, прижимая распухшую щеку, с недоверием смотрела на Янь Чэна. Сун Цзиньшу тоже был ошарашен этим поступком, широко раскрыв глаза.

— Ты... ты ударил меня ради него?

Янь Чэн оттолкнул Тао Сюэцзяо, преграждавшую путь к кровати, и сунул в одеяло Сун Цзиньшу одежду, которую держал в руках. Голос его стал невероятно мягким и ласковым:

— Я отогрел твою одежду на печи. Сейчас на улице холодно, не простудись.

С этими словами он поднялся и повернулся к Тао Сюэцзяо, и его лицо мгновенно стало строгим.

— Ты осмелилась оскорблять мою законную жену в моём присутствии? Неужели 17 лет обучения в школе прошли для тебя даром? Когда Янь Чэн не улыбался, уголки его губ слегка опускались, вызывая чувство давления.

— Сегодня я отправлю письмо твоему брату, чтобы он забрал тебя домой. Незамужней девушке жить в доме другого мужчины — это дурной тон.

Сказав это, он громко позвал служанку, которая подслушивала за дверью, и указал на стоящую посреди комнаты Тао Сюэцзяо.

— Отведи госпожу Тао в задний двор отдохнуть. А потом попроси управляющего съездить в дом семьи Тао в северной части города и передать Тао Сюэе, чтобы он забрал свою сестру домой.

Служанка поспешно кивнула, не смея сказать ни слова.

Её только что перевели из заднего двора в передний для обслуживания Сун Цзиньшу. Она знала, что прежнюю личную служанку Янь Чэна отправили в прачечную за провинность, поэтому она боялась послушаться ещё больше.

Она увела Тао Сюэцзяо, которая была в полной растерянности.

Янь Чэн больше не обращал внимания ни на какую Тао Сюэцзяо, а вместо этого принялся внимательно осматривать Сун Цзиньшу.

Одной рукой он откинул одеяло, другой поправил пряди волос у виска Сун Цзиньшу, бормоча:

— Она тебя не ударила?

Сун Цзиньшу чувствовал себя неловко под его пристальным взглядом. Его длинные белые ноги покраснели от стыда, и он крепко прижимал одеяло, не позволяя Янь Чэну смотреть дальше. Покраснев, он покачал головой, показывая, что с ним всё в порядке.

— Она просто избалована с детства. Старик Тао полжизни мечтал о дочери и, конечно, всё самое лучшее сразу клал ей под ноги. Раньше я не думал об этом, но теперь больше не позволю ей жить в нашем доме.

Слова Янь Чэна заставили Сун Цзиньшу замереть. Он никогда раньше не объяснял ему свои поступки.

Если хотел ударить, то бил без раздумий. Если чего-то хотел, то просто приказывал.

Янь Чэн никогда не говорил, почему он поступает так или иначе, и Сун Цзиньшу всегда боялся, что он сделал что-то не так, и Янь Чэн разлюбил его.

Поэтому Сун Цзиньшу всегда был покорным, безоговорочно выполняя все требования Янь Чэна. И теперь, когда Янь Чэн внезапно начал ставить его в центр внимания, Сун Цзиньшу почувствовал себя крайне неуверенно. Он приоткрыл рот, хотел что-то сказать.

Но как только он произнёс слог «эр», голос застрял в горле, и больше он не мог выдать ни звука.

Он не говорил нормально уже полгода. На следующий день после свадьбы Янь Чэн, раздражённый его заиканием, ударил его и наступил ногой на грудь, с надменным видом сказав: «Не смей больше открывать рот своим заикающимся голосом. Когда вылечишься, тогда и заговоришь. А пока молчи, на слух это противно».

Сун Цзиньшу горько усмехнулся. Его заикание было с детства, где уж так просто вылечить.

Он боялся снова разозлить Янь Чэна, и с того дня больше не говорил. Со временем все стали считать его немым, а не заикой.

Но этот едва уловимый звук «эр» не ускользнул от внимания Янь Чэна. Он радостно поднял голову и посмотрел на Сун Цзиньшу.

Его губы были слегка сжаты, уголки рта из-за застенчивости чуть приподняты. Верхняя губа с маленькой пухлой каплей, нависающей над нижней, напоминала каплю росы на лепестке сливы в саду.

Янь Чэна прошибло сухость в горле, он невольно схватил Сун Цзиньшу за запястье, применив силу.

— Ты сейчас меня окликнул?

Лицо Сун Цзиньшу изменилось, он поспешно замотал головой, отрицая.

Но Янь Чэна так просто не проведи. Он сжал пальцы, и на запястье Сун Цзиньшу сразу вздулись две-три красные полосы.

В его глазах словно сверкнул свет, и он не отступал:

— Я точно слышал! Хороший мой Цзиньшу, назови меня ещё раз, ещё разок!

Запястье Сун Цзиньшу болело, но разница в силе была слишком велика, и его попытки вырваться для Янь Чэна были незаметны.

На висках выступил холодный пот, губы побледнели от напряжения, побелели от центра.

— Эр... эр...

Страх, ввевшийся в самую кость, сдавил ему горло. Он не мог произнести ничего, кроме этого слога. А Янь Чэн продолжал смотреть на него горящим взглядом, и рука Сун Цзиньшу, которую он сжимал, начала синеть от недостатка крови.

Чем больше он нервничал, тем сложнее было говорить. В конце концов он в отчаянии отвернулся, закусил нижнюю губу и заплакал, весь дрожа.

Только тогда Янь Чэн понял, что слишком сильно надавил. В смятении он прижал Сун Цзиньшу к себе, и лишь опустив взгляд, заметил, что запястье уже посинело, зловец выделяясь на белой коже.

Янь Чэн проклинал себя за то, что снова довёл Сун Цзиньшу до слёз, ослабил хватку и поспешно слез с кровати за аптечкой. Он нашёл мазь и начал наносить её на запястье Сун Цзиньшу, не переставая упрекать себя:

— Это я виноват, я снова давлю на тебя. Разве я не говорил тебе? Если я снова начну вести

себя как идиот, ты смело давай мне пощечину.

С этими словами он поднял руку и хлопнул себя по левой щеке — раздался громкий звук. Из-за зимнего холода кожа на этой стороне моментально покраснела, и он выглядел довольно нелепо.

Сун Цзиньшу не выдержал и улыбнулся. Он взял Янь Чэна за руку и с жалостью коснулся кончиками пальцев его левой щеки.

Янь Чэна от этого вида закружило голова. Не обращая внимания на то, что мазь на руках ещё не стерта, он снова притянул Сун Цзиньшу к себе и начал сыпать сладкими словами.

.

После обеда сын семьи Тао послушно пришёл.

Уже стоя у дверей комнаты Янь Чэна, он с недоверием спрашивал служанку:

— Твой господин точно сказал, чтобы я забрал сестру домой?

По пути старший сын семьи Тао задавал этот вопрос уже много раз, и служанка, терпеливо отвечая раз за разом, к этому моменту начала сомневаться, не перепутала ли она что-то.

Стоило им войти во двор, как Янь Чэн услышал шум.

<http://bllate.org/book/16689/1531816>